

Университетские
Петербургские
Чтения

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

Университетские Петербургские Чтения

ПЕТЕРБУРГ И МОСКВА

Две столицы России в XVIII–XX веках

Под редакцией
Ю. В. Кривошеева, А. С. Федотова,
М. В. Ходякова

ИЗДАТЕЛЬСТВО С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2001

ББК 63.3(2)

П29

П29 **ПЕТЕРБУРГ И МОСКВА. Две столицы России в XVIII–XX веках: Сб. статей / Под ред. Ю.В.Кривошеева, А.С.Федотова, М.В.Ходякова. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2001.— 168 с. (Университетские Петербургские чтения)**
ISBN 5-288-03015-4

Издание представляет собой сборник научных работ, написанных петербургскими и московскими авторами. Публикуемые статьи расширяют современные представления о различных гранях во взаимоотношениях двух столиц и об их исторической специфике и самодостаточности.

Предназначен для преподавателей и студентов вузов, научных работников и всех интересующихся историей страны.

Без объявл.

ББК 63.3(2)

ISBN 5-288-03015-4

© Издательство С.-Петербургского
университета, 2001

К 300-летию Санкт-Петербурга

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Е.Г. Болдина.</i> Петербург в материалах канцелярии московского генерал-губернатора (1780–1860-е годы).....	5
<i>Г.А. Хвостова.</i> Из истории реставрации мраморной скульптуры Летнего сада в XVIII и XIX веках.....	10
<i>А.М. Шарипов.</i> Литературные салоны и журналы Москвы и Петербурга 1820-1840-х годов и положение «новых начал для философии».....	21
<i>О.М. Журавлева.</i> Петербург и Москва в литературной полемике 1840-х годов	33
<i>М.М. Фролова.</i> Петербург и Москва в жизни и творчестве А.Д. Черткова	42
<i>Л.В. Завьялова.</i> Петербургский и Московский Английские клубы.....	51
<i>Н.Ю. Мясоедова.</i> С.А. Гедеонов и Императорский Эрмитаж	62
<i>Е.В. Муравлёва.</i> Из истории выставочной деятельности передвижников в Петербурге и Москве.....	69
<i>А.С. Федотов.</i> Частные коллекции русской старины на московских и петербургских выставках начала XX века.....	81
<i>А.Ю. Кальянов.</i> Петербург и Москва — центры отечественной кинопромышленности. 1900–1917 годы.....	96
<i>А.С. Федотов.</i> Женщина на страницах петербургской и московской периодики в начале XX века.....	103
<i>Н.И. Приймак.</i> История Санкт-Петербурга в научном наследии А.С. Лаппо-Данилевского	108

<i>М.В. Мандрик. К биографии Ю.В. Готье</i>	116
<i>М.В. Ходяков. Петроград периода «военного коммунизма» в экономической политике столичных властей</i>	129
<i>Ю.В. Кривошеев, Е.А. Шуньгина. Из материалов фонда Д.И. Иловайского в Российском государственном историческом архиве</i>	141
<i>В.Ю. Коровайников. Охрана и реставрация памятников архитектуры Петрограда–Ленинграда в 1920-е годы (по документам Центрального муниципального архива Москвы)</i>	150
<i>В.Н. Барышников. Проблема безопасности Ленинграда в советско-финляндских отношениях в 1940-м году</i>	156
<i>Сведения об авторах</i>	167

¹² *Форстен Г.В.* Карл фон Бонсдорф. Ниен и Ниеншанц. Гельсингфорс, 1891. (Рецензия) // Журнал Министерства народного просвещения. 1892. Т. 281. Май-июнь. С. 172–181. — Кстати, К. Бонсдорф был знаком с изданием сочинения А.-И. Гиппинга 1836 г. и пытался познакомиться со второй частью его труда, но это ему не удалось.

¹³ Известия Императорской Академии наук. Сер. 6. 1908. Т. 6. № 6. С. 464–465.

¹⁴ Нева и Ниеншанц / Сост. А.-И. Гиппинг; Вступ. статья А.С. Лаппо-Данилевского. СПб., 1909. Ч. 1. С. 302.

¹⁵ Там же. С. XII.

¹⁶ Там же. С. XII, XIV–XV (примечание); Известия Императорской Академии наук. Сер. 6. 1908. Т. 2. № 6. С. 464.

¹⁷ Нева и Ниеншанц... С. XIII.

¹⁸ Карты и планы Невы и Ниеншанца, собранные А.-И. Гиппингом и А.А. Куником с предварительной заметкой А.С. Лаппо-Данилевского. [СПб., 1913].

¹⁹ *Лаппо-Данилевский А.С.* Карты и планы Невы и Ниеншанца, собранные А.-И. Гиппингом и А.А. Куником. СПб., 1913.

²⁰ Там же. С. 1.

²¹ Там же. С. 8–10.

²² Сборник документов, касающихся истории Невы и Ниеншанца / Приложение к труду А.-И. Гиппинга «Нева и Ниеншанц» с предварительной заметкой А.С. Лаппо-Данилевского. Пг., 1916. С. I — III.

²³ Там же. С. IV–VI.

²⁴ Там же. С. VII–VIII.

²⁵ Там же. С. X.

²⁶ Петербургский филиал Архива Российской Академии наук (ПФА РАН). Ф. 113. Оп. 1. Д. 113.

²⁷ Там же. Д. 123.

²⁸ См.: Речи, произнесенные на торжественном собрании Императорской Академии наук по случаю трехсотлетия царствования Дома Романовых. Пг., 1915; см. также: *Лаппо-Данилевский А.С.* Петр Великий, основатель Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге. СПб., 1914.

²⁹ Речи, произнесенные на торжественном собрании... С. 51.

³⁰ Там же. С. 40.

³¹ Там же. С. 48.

³² Там же. С. 52–58.

³³ Там же. С. 59.

М.В. Мандрик

К БИОГРАФИИ Ю.В. ГОТЬЕ

Книжная лавка Готье была одной из достопримечательностей московской жизни XIX в. Даже героиня романа Л.Н. Толстого Анна Каренина покупала книги именно у Готье. Владельцы лавки происходили из

французского города Сент-Кантен (в северной Пикардии). В 1764 г., после манифеста Екатерины II, иностранцы в поисках заработка и приключений ринулись в Россию. Среди них оказался и Жан Готье-Дюфайс. Его сын, Иван Иванович Готье (1872—1832), после удачной женитьбы на Елизавете Куртнер, дочери известного московского книготорговца, получил в качестве приданного жены книжную лавку и присоединил ее к магазину отца (ноты и духовые инструменты). С этого времени и до 1895 г. семья Готье оставалась владельцем книжного магазина у Кузнецкого моста (с нотным отделом и собственным издательством). Из многочисленных потомков Ж. Готье (некоторые из них породнились с Гончаровыми и князьями Абашидзе) известность в научных кругах приобрели только двое — его правнук Э.В. Готье, доктор медицинских наук, автор ряда монографий и праправнук — историк Ю.В. Готье.

Юрий Готье родился 1 июля 1873 г. и был первенцем в семье В.В. Готье и Н.С. Варсанафьевой. Получив начальное домашнее образование (мать была преподавательницей, происходила из дворянской, но обезземеленной семьи¹), в 1881 г. он поступил в частную гимназию Ф. Креймана и с нетерпением ждал курса истории, который читал П.П. Мельгунов — автор популярных в то время «Первых очерков истории». Любовь к истории проявилась у Готье с раннего возраста, мальчик с детства вращался среди книг, много читал, в том числе на французском и английском языках.

В 1891 г., после окончания гимназии, перед юношей открывались две дороги: продолжить дело отца, который возлагал на него большие надежды и предлагал ехать за границу для обучения книжному делу, или заняться научной работой. «Выбор факультета был решен давно и без колебаний», — напишет в воспоминаниях Готье². Однако занятия в университете ему приходилось совмещать с работой в магазине отца и изучением книжного дела. В университете среди учителей Готье были такие известные историки, как В.О. Ключевский, А.И. Кирпичников, П.Г. Виноградов, В.И. Герье, С.Ф. Фортунатов, П.Н. Милюков. В первые годы учебы Готье интересовала история Западной Европы. И только на третий год пребывания в университете благодаря семинарию Милюкова Готье сделал окончательный выбор³. Под руководством молодого преподавателя Готье разработал тему обороны и колонизации окраин Московского государства в XVI-XVII вв. Его дипломная работа была высоко оценена государственной экзаменационной комиссией.

После окончания университета Готье поступил на службу и одновременно готовился к экзаменам на степень магистра русской истории

по программе, разработанной Ключевским. С 1897 г. Готье принимал активное участие в деятельности Императорского Московского археологического общества. По поручению общества молодой ученый в 1897 г. изучал архивное дело в Швеции⁴. В шведском архиве историку удалось найти интересный материал по русской истории, который был опубликован в 1899 г. в «Археологических заметках и известиях» — «Известия Эрика Пальмквиста о России». В марте 1900 г. Готье успешно сдал магистерские экзамены и получил право преподавать в университете.

Однако его интересовала не только кабинетная работа. Вместе с С.К. Богоявленским историк производил раскопки курганов в Елизарове (Московская губерния), а в 1901 г. в Каменке (Харьковская губерния). Отчет о елизаровских раскопках явился образцовым, «лучше, чем давали тогда профессиональные археологи того времени»⁵. Молодой специалист предвосхитил позднейшие методологические требования: подробно описал все предметы, где и как они были расположены, в каких слоях. Его работа на археологическом поприще была высоко оценена, и уже в августе 1902 г. Готье командировали в Харьков на 12-й Археологический съезд в качестве депутата от Московского Публичного и Румянцевского музеев, где он работал с 1898 г.

В первое десятилетие XX в. Готье активно занимался преподавательской деятельностью: Высшие женские курсы, Межевой институт, курсы Шанявского (с 1913 г.) и др. Напряженная преподавательская деятельность не мешала историку продолжать исследовательскую работу. В это время почти все его занятия в области русской истории сосредоточились на изучении архивных материалов по истории земледелия и сельского хозяйства в XVI–XVII вв. Эта тема была напрямую связана с его магистерской диссертацией, над которой он работал почти четыре года, ежедневно посещая архив, где исследовал писцовые и переписные книги XVII в.

3 декабря 1906 г. Готье утвердили в степени магистра русской истории. Это произошло после успешной публичной защиты диссертации по теме «Замосковный край в XVII в. Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси». «Замосковный край» явился первым трудом по хозяйственной истории Московской Руси, где вопросы развития землевладения и сельского хозяйства в важнейшем центральном районе страны рассматривались на протяжении всего предшествующего петровским реформам столетия. Диссертация Готье была высоко оценена Ключевским и в 1909 г. удостоена премии Уварова.

Через несколько десятилетий А.Л. Шапиро напишет, что «без материалов, собранных в “Замосковном крае”, не может обойтись сейчас ни один исследователь, изучающий историю русской деревни XVII столетия»⁶.

С 1908 г. ученый обратился к истории России XVIII в., уделив основное внимание изучению государственных учреждений от Петра I до Екатерины II. На разработку этой темы ушло шесть лет упорного труда в архивах Москвы и Петербурга. Во время поездок в столичные архивы Готье познакомился и сблизился с некоторыми петербургскими историками, среди которых можно выделить С.Ф. Платонова. Дружеские отношения между историками сохранились на долгие годы. Позднее в своем дневнике Готье запишет, что поездки в Петербург всегда ассоциировались у него с гостеприимным домом Платоновых. Никто не мог и предположить, что встречи коллег позволят властям обвинить их в сговоре и создании контрреволюционной организации. Но это будет чуть позже.

Кропотливая архивная работа успешно завершилась 28 сентября 1913 г. публичной защитой докторской диссертации под заглавием «История областного учреждения в России от Петра I до Екатерины II» (Т. 1 Реформа 1727 г. Областное деление и областные учреждения 1727–1775 гг.). Она была высоко оценена оппонентами — известными историками М.М. Богословским и М.К. Любавским. Готье шаг за шагом изучил происхождение и проведение реформ, их изменение и применение. Ни одно из исследований того времени не содержало в себе такого богатого архивного материала по данному вопросу.

Кроме подготовки к диссертации, Готье интересовался и другими историческими проблемами. В начале 1910-х гг. историк опубликовал статьи о крестьянской реформе во времена Николая I, крестьянах в XVII в., внутренней торговли России в XVIII в.; новые источники по Смутному времени, очерки по истории землевладения; обратился к изучению истории Литвы, Белоруссии, Украины и славянских народов, написав несколько статей по этой тематике; активно участвовал в научных диспутах.

Историк искренне приветствовал февральскую революцию, но последовавшие за ней события изменили привычный образ жизни ученого. Готье, далекий от политической жизни, не смог безучастно смотреть на происходящие события и в июле 1917 г., вопреки своим прежним убеждениям, стал вести дневник. С первых строк дневника сталкиваешься со своеобразным пониманием и отношением Готье к русскому народу. В

событиях 1917 г. историк выделил характерную особенность всех русских Смут: «Окончательное падение России как великой и единой державы вследствие причин не внешних, а внутренних, не прямо от врагов, а от своих собственных недостатков и пороков и от полной атрофии чувства отечества, родины, общей солидарности...»⁷. Истоки этого Готье находил в русской истории: «Поражение всегда более занимало русских, чем победа и торжества: русским всегда кого-то жалко, поэтому они предпочитают жалеть себя и любить свое горе»⁸. Готье не идеализировал народ и его героическую историю, ни вождей, ни саму революцию, разлагавшую молодежь, разрушавшую и без того тонкий цивилизованный слой российского общества. Причину тяжелого положения ученый видел не в новой или только в старой власти, а во всем историческом развитии Русского государства и русского народа, в его менталитете.

Установление новой власти привело к смене политики в сфере образования. Весной 1919 г. при университете создали Факультет общественных наук (ФОН), и после повторных выборов Готье стал профессором нового факультета (преподавал также и во 2-м МГУ). В 1922 г. на ФОНе открыли археологическое отделение. Это было важным событием, так как отечественная археология, как наука, была еще в стадии становления. Для чтения лекций на отделение были приглашены крупные специалисты того времени: Готье, чей курс по археологии России пользовался неизменным успехом, и В.А. Городцов, читавший курс по первобытной археологии. На ФОНе Готье проработал до его очередного преобразования в новые факультеты, последовавшее в 1925 г.⁹. В конце 1920 г. историка приняли на работу в Государственный Исторический музей, где он до 1929 г. заведовал отделом «Истории XVIII века»¹⁰.

Преподавал Готье и на архивных курсах в Москве, где он читал лекции вместе с такими специалистами, как С.Б. Веселовский, С.В. Бахрушин, А.И. Яковлев, Н.В. Рождественский, А.Н. Филиппов, А.Н. Савин, М.К. Любавский. В связи с этим в дневнике историк записал: «Было заседание по устройству архивных курсов; мысль сама по себе, правильная: желательно, чтобы она была приведена в исполнение, но где найти достаточно душевных сил, чтобы предаться этому делу так, как это было бы нужно?»¹¹. Готье читал курсы: «Русское архивоведение. Курс исторических сведений о русских архивах и их составе», «Шведские архивы» и «Историю русских архивов»¹².

В связи с сокращением штатов архивов, проведенным в декабре 1921 г., в 1922 г. Любавский, Богословский, Савин и Готье обратились с письмом в Президиум ВЦИК и в Центрархив¹³. По их мнению, сведения

к минимуму штата сотрудников угрожало развалом архивов и потерей ценностей не только для России, но и для всей Европы. Повлияло ли это письмо на дальнейший ход реформы, судить сложно, но самоотверженная работа историков и архивистов спасла значительную часть архивного наследия. Кроме работы по архивному делу, Готье в эти годы входил в разные комиссии — по польскому вопросу (вместе с Любавским), охране памятников, кинематографическому делу, делам печати.

По делам музея и для сбора материала ко второму тому «Областного управления» Готье неоднократно приезжал в Петроград. Эти поездки давали ему возможность вести приятные многочасовые беседы со старыми друзьями и коллегами, позволяли на время забыть о смерти жены (декабрь 1919 г.). В Петрограде для историка было свое особое очарование — в отличие от Москвы город еще сохранил атмосферу старого времени. При встрече историки не только обсуждали политическую ситуацию и очередные новшества в сфере образования, но и вопросы, связанные с научной деятельностью. Несомненно обсуждалась и подготовка к печати работ Готье и Платонова о Смутном времени начала XVII в. Оба историка были лучшими специалистами по данному периоду, который уже неоднократно рассматривался ими в монографиях и статьях. Можно предположить, что возвращение к этой теме в начале 1920-х гг., кроме желания «нажить денег, необходимых для поддержания себя и семьи»¹⁴, было вызвано и политической позицией авторов. Кроме них к изучению Смуты в это же время обратились Р.Ю. Виппер и А.А. Кизеветтер. Для историков это стало своего рода попыткой на историческом примере осмыслить происходящие события и заявить о своей точке зрения. Монографии Готье и Платонова были не только одинаково структурированы, но и идентичны по содержанию и идеологической направленности. Этой точки зрения в начале 1930-х гг. будут придерживаться и критики-марксисты, подтверждая антибольшевистское настроение историков цитатами из этих книг.

В 1924 г. Готье становится заведующим отделом в Библиотеке им. В.И. Ленина (до 1930 г.)¹⁵. Он активно участвовал в подготовке выставок и сборников библиотеки, внес большой вклад в ее развитие и в подготовку новых кадров. 19 апреля этого же года Археографическая комиссия, одно из старейших в России научно-исторических обществ, приняла Готье в свой состав¹⁶. В апреле 1926 г. путем слияния двух академических комиссий: Археографической (основана в 1834 г.) и Постоянной исторической (основана в 1903 г.) была образована Историко-археографическая комиссия (ПИАК), председателем которой стал

С.Ф. Платонов. В состав комиссии вошли историки Москвы и Ленинграда, среди которых был и Готье¹⁷. ПИАК продолжила издательскую работу, проводимую ранее упраздненными комиссиями.

В 1925 г. увидели свет «Очерки по истории материальной культуры Восточной Европы до основания первого Русского государства». Еще в 1923 г. Готье написал статью «Развитие техники в первобытное время», где впервые подробно рассмотрел этот вопрос. В 1930 г., продолжая разрабатывать эту тему, историк опубликовал «Железный век в Восточной Европе». В России крупные исследования по археологии были в то время редкостью, при этом Готье одним из первых предложил использовать для изучения и реконструкции социально-исторического процесса археологические памятники, пытаясь установить теснейшую связь между историей и археологией. На современном этапе развития археологической науки многие положения исследований Готье уже отвергнуты учеными, но при этом следует учитывать, что «Очерки» и «Железный век» были первым шагом в изучении данного вопроса. В 1928–1930 гг. на этнологическом факультете МГУ Готье читал три курса по археологии, которые пользовались неизменным успехом у студентов¹⁸.

Конец 20-х гг. был омрачен закрытием ряда гуманитарных учреждений «старого образца». Так, например, в 1929, в год своего 125-летия, было закрыто Общество истории и древностей российских. Любавский (председатель) и Готье (секретарь) предприняли попытку «реабилитировать» деятельность общества в глазах власти, но в стране уже развернулась чистка научных учреждений, и письма историков не принесли желаемого результата.

Новый, 1930 год не предвещал никаких кардинальных изменений. Казалось, Готье, далекого от политики, не должны были затронуть события, вызванные в основном внутривластной борьбой. Историк, конечно, знал, что 19 октября 1929 г. в АН СССР обнаружили подлинный экземпляр манифеста об отречении императора Николая II и его брата Михаила. Но все эти события происходили в Ленинграде и на прямую не были связаны с московскими историками. Однако судьба распорядилась иначе. Готье арестовали 9 августа 1930 г.¹⁹ (его благонадежностью интересовались еще в январе: на чьей стороне был во время революции, принадлежал ли к правым или каким-либо другим партиям²⁰) и обвинили в руководстве московской секцией конспиративного «Всенародного союза борьбы за возрождение свободной России». Вскоре, как и многих московских историков «старой школы», Готье перевезли в Ленинград, где под воздействием следователей он сознался «в контрреволюционных действиях».

Причины арестов историков следует искать не столько в их немарксистских концепциях, сколько в социально-политической обстановке, сложившейся в государстве. События 1929–1930 гг. вызывают споры среди историков. В отечественной историографии до сих пор не выработано общепринятое название политического процесса над историками — одни называют его «Делом историков» или «Дело академика Платонова» (В.С. Брачев, Г.Д. Алексеева), другие — «Академическим делом» (Панеях, Перченко, Ананьич). Дискуссии по поводу названия носят концептуальный характер, так как связаны прежде всего с различным пониманием причин, вызвавших расправу над историками дореволюционной школы.

Все эти названия вполне обоснованы, и каждое из них имеет право на существование. На начало 1930-х гг. приходится новая волна борьбы с научной и творческой интеллигенцией. Среди последней особое место занимали историки: противостояние двух школ и идеологий (отсюда — «Процесс над историками»), среди историков большинство репрессированных и пострадавших оказались сотрудниками Академии наук или членами ее комиссий («Академическое дело») и в первую очередь академик Платонов и его окружение («Дело академика Платонова»). Особый интерес к Платонову был во многом спровоцирован М.Н. Покровским — одним из претендентов на звание главы новой марксистской школы историков.

Отметим основные предпосылки возникновения «Дела историков»: 1) В стране нарастало напряжение общей политической ситуации, вызванное внутривластной борьбой конца 1920 — начала 1930-х гг. Возвышение И.В. Сталина влекло за собой изменение не только в партийном аппарате, но и в политическом курсе страны в целом. Закончился процесс складывания государственных структур, и на первый план вышел вопрос об идеологическом обосновании нового строя и новой власти. Для этого прежде всего необходимо было обеспечить полную советизацию общества и создать крепкую идеологическую основу партийного курса. Для последнего необходимо было «приручить» интеллигенцию, особенно историков и философов; 2) Государство не смогло выйти из экономического кризиса, и, чтобы оправдать неудачи, создается образ «врага народа». На эту роль лучше всего подходила интеллигенция, которая ни Сталину, ни его аппарату, ни простому обывателю никогда не внушала особого доверия. С конца 1920-х гг. начинаются массовые процессы над интеллигенцией; 3) Социальное и идеологическое размежевание общества сказывалось и в научной сфере, в частности на «исто-

рическом фронте». Буржуазные историки, чьи труды и концепции были признаны во всем мире, противостояли (кто активно, кто пассивно) малочисленным пока историкам-марксистам, которым еще предстояло завоевывать авторитет в научных кругах. Для создания идеологической базы и, следовательно, «новой истории государства» Сталину требовалась сильная, но «попкорная» историческая школа. Сильной она могла стать при условии полного перехода на сторону новой власти историков дореволюционной школы, а попкорной, если для острастки «вырвать с корнем» некоторых историков-марксистов. Этой политики Сталин придерживался до начала 1950-х гг.; 4) Центром «буржуазного элемента» к началу 1930-х гг. оставалась только Академия наук, и именно здесь легче всего было собрать компрометирующий материал. В ходе общей чистки государственных кадров была проверена и некоммунистическая Академия. В связи с большим объемом работы и нехваткой сотрудников в АН оказались неучтенными ряд важных документов (часть по недомотру самих представителей новой власти). Это послужило началом политического скандала, подогреваемого прессой и выгодного для власти, так как оправдывал репрессии против историков и сотрудников ряда научных учреждений; 5) Характер найденных документов позволил говорить о «монархическом заговоре». Нетайное для власти антиправительственное настроение большинства историков «старой школы», а также ряд других прямых и косвенных улик способствовали созданию дела «Всенародного союза борьбы за возрождение свободной России». В ходе следствия ОГПУ установило, что Платонов и его группа (Готье, Богословский, Любавский, Бахрушин, В.И. Пичета и др.), сговорившись с немецким Генеральным штабом, пытались возвести на российский престол бывшего ученика историка великого князя Андрея Владимировича.

На первый взгляд предположения следователей о существовании контрреволюционной организации кажутся полностью фальсифицированными. Однако для предположения о создании подобной организации имелись все объективные причины: историки получили дореволюционное образование и в большинстве своем оставались приверженцами конституционно-монархического строя, находились в тесной дружбе друг с другом, выезжали за границу, а также, на территории России вступали в деловое сотрудничество с представителями западных держав. Кроме того, характер найденных в АН документов позволял говорить о монархическом заговоре. Все это давало в руки ОГПУ обильный материал.

Возможно, если бы не было установки свыше, ОГПУ не смогло бы из существования дружеского кружка историков Москвы и Ленинграда сфабриковать всероссийскую организацию — появление последней соответствовало сталинской политики «приструнивания» недовольных. Поведение историков на процессе помогло следователям восполнить пробелы, существующие в «Деле ак. Платонова», крупный ученый и вся буржуазная школа были дискредитированы в глазах общественности, а в исторической науке возобладало марксистское направление. Однако даже ведущие историки-марксисты не избежали участи осужденных по «Академическому делу» — Покровского и Е.М. Ярославского подвергли критике, А.А. Пионтковский и целая плеяда молодых ученых были репрессированы в период с 1935 по 1939 г. «Дело историков» было сфабриковано в угоду политического курса Сталина — «борьба с уклонами» и установление «единой идеологической линии»; завершение дела историков стало концом и «старой исторической школы»: ее лучшие представители были осуждены, их теории развенчаны, часть из историков умерла в ссылке, оставшиеся в живых после пережитых потрясений не смели полностью возобновить старые методы работы, реанимировать свои научные взгляды и были вынуждены подчиниться идеологическим постулатам партии.

Следствие продолжалось 13 месяцев, и по делу проходило около 120 человек. 8 августа 1931 г. коллегия ОГПУ объявила приговор группе историков, в том числе Платонову и Готье: «Высылка в отдаленные места СССР сроком на 5 лет»²¹. Готье вместе с Платоновым был сослан в Самару. В ссылке историкам запрещалось работать по специальности. Готье удалось устроиться на работу в Центральную краеведческую библиотеку в качестве консультанта²², затем, научным работником в Средне-Волжский институт промышленно-экономических исследований²³. Материальное положение семьи вынуждало искать новое место работы, и здесь Готье помогло его всестороннее образование, с января 1933 г. он преподает английский язык в Самарском Геологоразведочном институте, затем в Самарском педагогическом институте²⁴. Не оставил Готье и занятий историей: составил «Материалы по археологии мордовского народа. Заселение Средне-Волжского края с древнейших времен до конца XVIII в.»; карты расселения мордовского народа в Средневожском крае, цензовой промышленности мордовского края в 1914 г., административную схематическую карту Средневожжья; активно сотрудничал с краеведами Самары и мн. др.²⁵

Из ссылки историка освободили 21 февраля 1934 г., но в Москву семья Готье вернулась только осенью. Свидание с любимым городом придало историку новые силы, и он с энтузиазмом приступил к научной и преподавательской деятельности. Новым местом работы стал Институт философии, литературы и истории (читал курс «Основы археологии» и «Введение в археологию»²⁶) и Историко-архивоведческий институт (активно участвовал в исследовательской работе по архивоведению и истории СССР). В ноябре 1937 г. Готье приняли сотрудником в Институт истории АН СССР, а в декабре 1938 г. приказом Главного архивного управления НКВД СССР историка утвердили членом Научного совета центральных госархивов дореволюционной эпохи. В состав совета также вошли В.И. Пичета, Б.Д. Греков, П.И. Лебедев-Полянский и др.²⁷

Подъем исторической науки, наметившийся в конце 1930-х гг., во многом был связан с возвращением к научной деятельности представителей «старой школы». Открывались новые кафедры, разрабатывались новые направления, увеличилось число аспирантов, публиковались отдельные статьи и коллективные сборники. Однако все эти положительные процессы проходили на фоне кардинальных изменений не только в среде старой профессуры (вызванные арестами), но и в самом советском обществе. Один из исследователей этого периода А.М. Дубровский писал: «Время касалось всех и накладывало отпечаток на мышление и творчество многих... Время превратило эту генерацию ученых в напуганное поколение»²⁸. К этому поколению следует отнести не только историков дореволюционной школы, но и историков-марксистов, которые после письма Сталина в конце октября 1931 г. и репрессий 1935–1937 гг. оказались в еще более тяжелом положении. Все это негативно отразилось на качестве научных исследований, так как необходимость учитывать «идеологические установки» влияла на концепцию исследований.

В 1939 г. Готье возвратился в Московский университет, где преподавал на кафедре истории СССР и кафедре славяноведения, возглавляемой Пичетой (открыта в 1939 г.). Готье читал курс лекций по истории Российской империи в 1725–1796 гг.²⁹, по истории Западной Украины и Западной Белоруссии, написал ряд статей: об «Образовании Сербского государства», о Западной Украине и Западной Белоруссии. Помимо этого, он вел группу аспирантов в Архивном институте, Педагогическом институте им. К. Либкнехта и адъюнктов Военно-политической академии им. В.И. Ленина.

Историк принял активное участие в составлении вузовских и школьных учебников. Для вузовского учебника он написал раздел по истории XVIII в., излагая исторические события уже с точки зрения марксизма; статьи и рецензии для пятитомного издания и на 1-й том семитомника по Истории СССР³⁰. Историк участвовал и в редактировании статей для БСЭ (с 1932 г. в ней опубликовано несколько десятков статей Готье по самым разным темам — от железного века до Крымской АССР, но все они, в связи с его арестом по «делу академика Платонова», оставались неподписанными), первого тома «Истории войн и военного искусства», входил в комиссию по сбору материалов для «Исторических атласов по истории СССР».

Многолетние заслуги Готье были признаны на общем собрании АН СССР, и 28 января 1938 г. его избрали действительным членом Академии³¹. В 1941 г. издается второй том «Областного управления», законченный Готье еще в начале 1920-х гг. В исследовании впервые использовался ряд данных из Государственного архива, Сената и губернских воеводских канцелярий, прилагались указы и правительственные распоряжения, не вошедшие в Полное собрание законов, проекты и записки, относящиеся к реформе местных учреждений. Материал насыщен богатейшими бытовыми описаниями, не использованными ранее в отечественной историографии; впервые были представлены материалы о прокурорском надзоре и установлено присоединение к нему еще и функций фискалов, исследован двухстепенный прокурорский надзор.

В годы Великой Отечественной войны Готье был в Ташкенте, где продолжал активную научную работу, в частности, в секции славяноведения Института истории³². В эвакуации Бахрушин и Готье изучили историю Узбекистана, итогом работы стал первый том «Истории народов Узбекистана» (1947 г.). Кроме научной деятельности историк вел шефскую работу в воинских частях и занимался подготовкой местных научных кадров³³. В Москву Готье вернулся в середине июня 1943 г.³⁴ Историк приехал уже больным, но это не помешало ему продолжать научную деятельность. Он дорабатывал неоконченные статьи, например «Бисмарк и его отношение к России в 1850–1880 гг.», возобновил работу по истории Москвы, однако закончить ее историку уже не удалось — 17 декабря 1943 г. Юрия Владимировича Готье не стало.

В лице Готье отечественная историческая наука потеряла первоклассного археолога, источниковеда, археографа, музееведа, библиографа, рецензента и даже переводчика. Эрудиция Готье удивляла многих его современников, студенты ценили его лекторские способности и

тонкий юмор. Научное наследие историка насчитывает более 170 работ и составляет золотой фонд отечественной историографии.

-
- ¹ АРАН. Ф. 491. Оп. 1. Д. 70. Л. 1.
- ² Готье Ю.В. Университет // Воспоминания о Московском Университете. М., 1989. С. 554.
- ³ Там же. С. 554.
- ⁴ РГИА. Ф. 733. Оп. 151. Д. 492. Л. 87.
- ⁵ Арциховский А.В. Готье как археолог // Доклады и сообщения исторического факультета МГУ. М., 1945. Вып. 1. С. 21.
- ⁶ Шапиро А.Л. Историография с древнейших времен до 1917 г. М., 1993. С. 598.
- ⁷ Готье Ю.В. Мои заметки // Вопросы истории. 1991. № 6. С. 155.
- ⁸ Там же. С. 157.
- ⁹ Архив МГУ. Ф. 16. Оп. 1, Д. 122. Л. 5.
- ¹⁰ АРАН. Ф. 491. Оп. 1. Д. 70. Л. 2; работает с 1922 г. — Архив МГУ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 122. Л. 5.
- ¹¹ Готье Ю.В. Мои заметки // Вопросы истории. 1991. № 12. С. 146.
- ¹² АРАН. Ф. 491. Оп. 1. Д. 15а. Л. 3.
- ¹³ ОПИ ГИМ. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 7. Л. 6-8.
- ¹⁴ Готье Ю.В. Мои заметки // Вопросы истории. 1991. № 10. С. 143.
- ¹⁵ АРАН. Ф. 491. Оп. 1. Д. 70. Л. 2.
- ¹⁶ СПБО АРАН. Ф. 133. Оп. 1. Д. 1066. Л. 86.
- ¹⁷ Там же. Д. 1199. Л. 2.
- ¹⁸ Архив МГУ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 97. Л. 5; Д. 124. Л. 39.
- ¹⁹ Академическое дело. СПб., 1993. С. 9.
- ²⁰ АРАН. Ф. 491. Оп. 1. Д. 68. Л. 1-2.
- ²¹ Академическое дело. С. XLIX.
- ²² АРАН. Ф. 491. Оп. 1. Д. 71. Л. 5.
- ²³ Там же. Л. 6.
- ²⁴ Там же. Л. 10.
- ²⁵ Там же. Л. 24, 26, 54, 55, 56.
- ²⁶ Там же. Д. 85. Л. 46, 53.
- ²⁷ АРАН. Ф. 491. Оп. 1. Д. 86. Л. 1.
- ²⁸ Дубровский А.М. С.В. Бахрушин и его время. М., 1992. С. 83.
- ²⁹ Очерки по истории советской науки и культуры. М., 1968. С. 347.
- ³⁰ Отдел рукописных фондов Института российской истории РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 45. Л. 53.
- ³¹ АРАН. Ф. 491. Оп. 1. Д. 74. Л. 1.
- ³² Там же. Ф. 1548. Оп. 2. Д. 71. Л. 2.
- ³³ Там же. Ф. 491. Оп. 1. Д. 72. Л. 7.
- ³⁴ Там же. Л. 5.
- ³⁵ Там же. Д. 50. Л. 1-73.